

Святыни ценою в жизнь

О сакральном в обществе

Где распутица с бессонницей,

Где свободно не вздохнуть –

О сакральном позаботиться,

От страданий отдохнуть.

Николай Мельников

Современность прошлого

В этом году отмечается столетний юбилей со дня начала одного из самых трагических событий в истории нашей Церкви – кампании «по изъятию церковных ценностей». Сама кампания, инициированная советской властью даже не столь для решения проблемы страшного голода, вспыхнувшего на значительной территории страны, сколько с целью дискредитации и уничтожения Церкви, как известно, дала нам целый сонм новомучеников. Нынешняя юбилейная дата – это безусловный повод для того, чтобы осмыслить происходившее в те дни и по возможности найти преломление проблематики тех событий в нашем времени.

Правда, любой исторический факт всегда может быть рассмотрен с очень разных ракурсов. В частности, на то, что случилось сто лет назад, можно смотреть, например, как на один из характерных эпизодов церковно-государственных отношений в новейшее время. Можно, как вариант, взять социально-экономическую политику большевиков в целом, а кампания по «изъятию церковных ценностей» будет одной из её составляющих. Можно, в конце концов, увидеть жизнь или даже житие того или иного человека, попавшего в водоворот событий той драматичной эпохи. Но в данный момент применительно к интересующей нас теме хочется обратиться к такому её аспекту, который можно условно назвать социально-психологическим. Это может показаться немного неожиданным, но именно в этом ракурсе видится особая актуальность для нас, для нашего общества того, что происходило тогда.

Итак, если вспомнить обстоятельства проводимой советским государством кампании по «изъятию церковных ценностей», то окажется, что основным камнем преткновения между большевистским правительством и Церковью стало не нежелание последней участвовать «своими ценностями» в ликвидации бедствия (Церковь как раз очень активно включилась в организацию помощи голодающим, в том числе жертвуя и

своё имущество), а невозможность передачи, согласно церковным правилам, тех предметов, которые имеют богослужебное использование, прежде всего священных сосудов. Церковь, полагая, что небогослужебное использование тех предметов, на которых совершалось самое святое для каждого христианина таинство – таинство Причащения, является святотатственным, предлагала фактически выкупать эти священные для себя предметы и, когда получила отказ от безбожной власти, решительно воспрепятствовала их изъятию. То есть в данной ситуации Церковь считала для себя святым и сакральным то, что советская власть почитала простым и обыденным.

Освятить повседневность

Церкви во все времена было свойственно отстаивать то, что она полагала священным. Это касалось не только зданий и предметов, но и, скажем, времени. Откуда, например, взялся термин «неделя»? «Неделей» в церковном лексиконе называется только воскресный день – тот, в который не принято было делать повседневных дел, оставляя его для дел священных. Исходя из этого же принципа, сакральное не использовалось и в повседневной речи: *«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно»* (Исх.20:7). Да и в письме самые святыя слова всегда писались не как обычные слова, а сокращенно – «под титлом».

Впрочем, здесь следует оговориться – священное и повседневное в христианском мировоззрении все-таки встречались, но всегда, чтобы сделать повседневное священным, а не наоборот, святое – суетным и напрасным. Так, первые христиане за невозможностью иметь храм собирались для богослужений по домам, но, как пишет святитель Иоанн Златоуст, «они были так благочестивы, что могли и свой дом превратить в церковь». И традиция непрестанной молитвы также продиктована желанием освятить повседневность, почему и не является примером нарушения вышеупомянутой заповеди.

Кстати, этим желанием защитить область священного продиктован и пресловутый «Закон об оскорблении чувств верующих».*

Этот закон, надо сказать, в определённом срезе современного общества имеет репутацию скандального, и зачастую верующие люди получают упреки в какой-то излишней обидчивости – дескать, «всё их, верующих, прям оскорбляет». Но дело-то вовсе не в обидчивости – просто для христианина, а вероятно, и для любого верующего (как не сказать, для любого обычного адекватного человека) свойственно ощущение и осознание того, что для нормального существования общества обязательно требуется наличие некой неприкосновенной для грязи и пошлости зоны.

Путь в тупик

В этом смысле, большевики сто лет назад не посягали, в принципе, на само понятие сакрального – свои «святыни» у них всё же были. Вспомним и культ вождей, и мавзолеей, и красные дни календаря. То есть здесь, скорее, мы можем говорить об изменении, а не об отмене самой сакральной области. Тем не менее, и этот эксперимент по замене Бога в области священного, и все другие попытки человечества, предпринятые после ницшевского «Бог умер», привели и приводят к ужасающим для человеческого общества результатам.

Но в наши дни мы сталкиваемся и с ещё более страшным, на мой взгляд, отношением к сакральному – когда для человека в принципе нет ничего святого, даже суррогатного. В конце XIX века устами персонажей своих произведений Ф.М. Достоевский произнес знаменитую максиму: «Если Бога нет, всё дозволено». Эта фраза нашего выдающегося писателя вызвала массу споров среди современных мыслителей, и, надо сказать, неверующему было оставлено право быть нравственным, просто в данном случае сам человек становился критерием того, что дозволено, а что нет. Как об этом пишет представитель философской школы атеистического экзистенциализма Жан-Поль Сартр: «Человек является единственным источником ценностей, и индивиду остаётся творить или выбирать собственную шкалу ценностей, его собственный идеал». Опасность такой позиции заключается, во-первых, в том, что, как показывает практика, человек, сам формируя свою шкалу ценностей, ценным признает зачастую очень сомнительные предметы, а, во-вторых, рано или поздно приходит к тому, что объективно ценного, святого на самом деле нет. А поэтому чудовищный вывод – твори что хочешь и плюй на чужие святыни!

И наконец, такая позиция еще и крайне пессимистична, недаром и самое известное произведение того же Сартра называется весьма показательно – «Тошнота». Темы, которые характерны для экзистенциализма, – человеческая судьба, хаос и абсурд человеческой жизни, чувства страха, отчаяния, безысходности. Об этом же, наверное, говорит один из братьев Карамазовых: «Уничтожьте в человечестве веру в своё бессмертие, в нём тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь». Поэтому, охраняя и оберегая свои святыни, христианство преследует, в том числе, очень важную цель – оставить человеку возможность любить и быть счастливым.

*Федеральный закон от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ внёс изменения в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан.

